

Система действительно раскололась, причем ее обломки разлетелись по разным местам.

В тот момент, когда Жэнь И и Система возвращались обратно, они попали в пространственно-временную турбулентность. Оба получили тяжелые ранения, состояние их душ стало нестабильным, и, повинуясь инстинкту самосохранения, они начали искать себе оболочки. По идее, настоящее тело Жэнь И все еще находилось в Бюро по перемещению в книжные миры, но место аварии оказалось ближе к тому миру, который он только что покинул. В итоге Жэнь И, едва успев выбраться из мира, был насильно запихнут обратно в свой аватар, в котором еще теплилась искра жизни.

Системе тоже досталось несладко: в потоке хаоса она раскололась на три части. Основное ядро вернулось вместе с Жэнь И в тот самый мир, который он только что оставил, однако с точкой высадки вышла накладка — она угодила в другой аватар хозяина, а именно в тело Мастера Меча.

Выслушав описание текущего положения дел, Жэнь И долго молчал.

Впрочем, если вдуматься, такая ситуация была вполне логичной.

У Жэнь И в этом мире было два аватара. Тело Мастера Меча было гораздо сильнее основного, и в их с Системой тяжелом состоянии оно куда лучше подходило для восстановления, так что попадание Системы именно туда было закономерным. Что же касается самого Жэнь И, тут все еще проще: его основной аватар был создан по образу и подобию его истинного облика, поэтому притяжение к этому телу было гораздо сильнее. Только вот трудно сказать, идет ли тяжелое состояние этого тела на пользу его душе или же, наоборот, вредит ей.

Ситуация у Жэнь И была крайне скверной, да и у Системы дела обстояли не лучше: программа повреждена, данные утеряны, энергия почти на нуле. Иначе как объяснить, что, находясь в основном теле, он не мог связаться с Системой, хотя их разделяла всего лишь оболочка аватара? За те несколько минут, что они общались, Жэнь И уже несколько раз услышал предупреждение о критическом уровне энергии. Едва успев передать информацию, Система погрузилась в спящий режим с низким энергопотреблением для самовосстановления.

Жэнь И потер виски, чувствуя, что положение куда сложнее, чем он предполагал.

Прежде всего, нужно вернуть Систему, но даже этот первый шаг казался невероятно трудным.

Будучи его собственным аватаром, он прекрасно знал, где находится тело Мастера Меча, но также понимал, насколько опасно там находиться. Не говоря уже о его нынешнем состоянии обычного смертного, даже до того, как у него вырвали духовный корень, добраться туда было нелегкой задачей.

Жэнь И вздохнул про себя: Ладно, будем действовать шаг за шагом. Сначала нужно подлечить раны.

На другом континенте этого мира, Восточном, все было иначе.

В отличие от сект Западного континента, здесь процветали кланы совершенствующихся. Многие техники передавались из поколения в поколение, опираясь на кровные узы и фамилии.

Клан Сяо в городе Тяньхуань был как раз таким семейством.

Когда-то давно клан Сяо был лишь малоизвестной семьей, но несколько сотен лет назад их предок получил невероятно мощную технику. С тех пор их мастерство росло не по дням, а по часам. Под покровительством того предка клан Сяо быстро превратился в могущественную семью, способную тягаться с самыми влиятельными родами. Однако они развивались слишком быстро, не имея прочного фундамента, а легендарная техника манила завистников. Как говорится, богатство бередит сердца, а для практиков такая техника была куда привлекательнее золота и серебра.

И действительно, стоило тому грозному предку скончаться, как весь клан Сяо был вырезан под корень. Причина была очевидна.

Неизвестно, не нашли ли убийцы технику или же спрятали ее, опасаясь лишнего шума, но с тех пор в городе Тяньхуань не появилось второго клана Сяо, не было больше легенд о гениях, чья сила росла скачками. Контроль над городом был разделен между несколькими второсортными кланами, которые раньше были вынуждены склоняться перед Сяо.

Прошло более десяти лет в мелких дрязгах, и вдруг в Тяньхуань прибыл молодой человек с выдающейся внешностью и невероятным уровнем мастерства. Такой практик — сильный, неженатый и не связанный ни с какими силами — стал лакомым кусочком. Кланов наперебой предлагали ему дружбу, а из-за застарелых обид между ними обстановка в городе начала накаляться, словно пороховой погреб.

Если рассуждать здраво, этот юноша был лишь запалом, который ускорил конфликт. Даже если бы его не было, нашелся бы кто-то другой — или даже не человек, а скажем, право входа в Тайное царство, порция пилюль небесного ранга или десятилетия духовная трава. Зрячие люди понимали: эти кланы рано или поздно все равно столкнулись бы в схватке, им просто нужен был повод.

Юноше не повезло оказаться в эпицентре этого водоворота.

Кое-кто даже вздыхал за его спиной, сочувствуя его горькой судьбе.

Это сочувствие, возможно, длилось бы еще долго, если бы не один старец в городе, которому лицо юноши показалось знакомым, если бы не то, что юноша объявил свое имя — Сяо

Ханьчжоу, и не то, что он принес в жертву духам погибших сородичей кровь пяти кланов-убийц... Оказалось, что он — тот самый наследник клана Сяо, которого когда-то спас верный слуга.

Спустя десять с лишним лет все пять родов, сговорившихся против клана Сяо, заплатили кровью за свои преступления. С таким главой клан Сяо возродил свое имя и постепенно начал возвращать себе былое величие.

В семье, находящейся на подъеме, ученики полны энтузиазма и не прекращают тренировок. Даже через двор слышны бодрые выкрики с площадки для упражнений.

В перерыве между тренировками вошел юноша в белом, распорядившись, чтобы слуги поставили поднос. Он мягко произнес:

— Вы все усердно трудились. Я сварил немного отвара, помогающего снять усталость и восстановить духовную энергию. Если не побрезгуете, можете выпить.

Черты лица пришедшего не были чем-то особенным, но вместе они смотрелись очень приятно. В этот момент он слегка улыбался, прищулив глаза, и говорил так ласково, что казалось, будто легкий ветерок пронесся мимо, унося всю усталость.

Ученики один за другим начали благодарить его:

— Благодарю, дядя Бай.

— Вы очень добры, дядя Бай.

— ...

— Снова мы вас побеспокоили, дядя Бай.

Бай Цзиньлю кивал каждому, отвечая на приветствия.

— Я все равно восстанавливаюсь после травм и ничем не занят, вот и решил заняться мелкими делами, — говорил он. — Лишь бы не мешать вам тренироваться.

Ученики, конечно, хором отвечали, что не смеют и подумать о таком.

Когда все разобрали отвары, одна чаша осталась лишней — словно Бай Цзиньлю приготовил ее на всякий случай. За последние дни это случалось постоянно, и все уже привыкли, лишь в очередной раз восхищаясь его внимательностью.

Но Бай Цзиньлю знал, что причина в другом.

Его взгляд скользнул в самый дальний угол площадки, где юноша, обняв меч, сидел с закрытыми глазами, не собираясь двигаться. Бай Цзиньлю на мгновение прищурился, но в

итоге ничего не сказал. Он распорядился слугами, и они покинули площадку так же торжественно, как и пришли.

Один из учеников проводил взглядом удаляющуюся фигуру и вздохнул:

— Почему дядя Бай не остался подольше?

Стоявший рядом соученик хмыкнул:

— Хочешь, чтобы он остался с тобой?

Тот покраснел до корней волос и поспешил оправдаться:

— Я... я не это имел в виду!

Соученик рассмеялся:

— Даже если бы имел, боюсь, глава клана сломал бы тебе ноги.

Первый ученик, очевидно, был человеком серьезным, и от этой шутки заметно напрягся. Однако тема привлекла внимание окружающих, и ученики начали перешептываться, невольно вызволив его из неловкого положения.

Хотя Восточный континент состоял преимущественно из кланов, в них состояли не только кровные родственники — ученики с другими фамилиями и приглашенные старейшины были обычным делом. К тому же, после той катастрофы десятилетней давности, оставшиеся представители клана Сяо принадлежали к самым дальним ветвям, поэтому сейчас в клане было даже больше чужаков.

Однако Бай Цзинью явно не принадлежал к числу обычных учеников.

На самом деле клан Бай, из которого он происходил, был одним из пяти родов, сговорившихся уничтожить клан Сяо.

Но так как клан Бай не был главным зачинщиком и не был глубоко замешан — в заговоре участвовало лишь несколько учеников за спиной главы — их наказали не так сурово, как остальные четыре клана. После того как нынешний глава клана Бай лично привел виновных, чтобы искупить вину, дело было закрыто.

Тем не менее, для человека из клана Бай иметь статус приглашенного старейшины в клане Сяо было крайне необычно.

Конечно, это было необычно, ведь отношения между этим молодым господином Баем и Сяо Ханьчжоу были особенными.

Если ничего не случится, этот дядя Бай станет будущим супругом главы клана.

Ходили слухи, что именно благодаря Бай Цзинью Сяо Ханьчжоу пощадил клан Бай. Последние теперь считали это удачей: их влияние в Тяньхуане почти не пострадало, им не нужно было бороться с четырьмя уничтоженными кланами, и они без особых усилий стали вторым по значимости родом в городе, развиваясь даже лучше, чем раньше.

Бай Цзинью явно пользовался любовью в клане Сяо. Возможно, потому что люди, вкусившие его заботы, были к нему добры, но сейчас ученики, только что выпившие духовный отвар, наперебой хвалили его, называя их с главой идеальной парой.

Кто-то спросил:

— Дядя Бай так хорош, интересно, когда глава устроит церемонию бракосочетания и введет его в дом?

После этих слов на площадке воцарилась короткая пауза.

Это был момент, который удивлял многих учеников: хотя слухи ходили самые разные, Сяо Ханьчжоу, глава клана, не предпринимал никаких действий. Если бы Бай Цзинью не мог свободно входить в дом Сяо и если бы отношение Сяо Ханьчжоу к нему не было таким очевидно особенным, ученики решили бы, что все это просто сплетни.

Странно ведь: это личное дело их главы, а они узнают новости со стороны.

Ученики переглянулись, видя в глазах друг друга одно и то же недоумение. Наконец кто-то сказал:

— У главы, должно быть, свои планы.

На этом разговор должен был закончиться, ведь не им, ученикам, обсуждать планы главы. Но когда они уже собирались расходиться, кто-то рядом понизил голос:

— Я слышал кое-что, правда, не знаю, насколько это верно.

Говорящий был незнакомцем, по-видимому, новый слуга. Поскольку он пришел недавно, никто его не знал, но сейчас это никого не волновало. Всех интересовали сплетни.

В конце концов, совершенствование — занятие скучное и монотонное, нужно тысячи раз повторить один и тот же прием, чтобы хотя бы начать понимать его суть. Не у каждого хватит терпения, а даже если хватит, процесс все равно изматывает. Конечно, приятно иметь хоть что-то, чтобы развлечься.

Как только слуга заговорил, он стал центром внимания. Со всех сторон посыпались просьбы продолжать.

Слуга, похоже, не привык к такому вниманию, немного съежился, в его глазах мелькнула неуверенность, но рука, коснувшаяся потайного кармана и ощутившая твердость духовного камня высшего качества, придала ему решимости. Он сделал небольшую паузу и продолжил:

— Говорят, когда наш глава много лет назад скитался, он получил помощь от одного человека и остался в большом долгу.

Ученики на площадке никогда не слышали об этом. Впрочем, когда Сяо Ханьчжоу сбежал после трагедии, он был лишь полуребенком. Если бы не чья-то помощь, он не смог бы вырасти и добиться справедливости для клана Сяо, так что в этом не было ничего удивительного.

Слуга добавил:

— Наш глава — человек принципиальный, он всегда платит добром за добро.

Ученики, слушавшие его, хотя и не понимали, как это связано с бракосочетанием, тут же отозвались:

— Конечно. / Это само собой разумеется.

Кто-то добавил:

— Раз он благодетель главы, значит, и наш благодетель. Снег в беде подать трудно, раз этот человек помог главе в трудную минуту, мы должны отплатить ему сполна.

Остальные поддержали его, но слуга, начавший рассказ, невольно выказал замешательство.

Его отношение было настолько очевидным, что кто-то сразу спросил:

— Но есть ли какая-то проблема с этим благодетелем?

Спрашивавший носил фамилию Сяо. По ней было ясно, что он — потомок тех, кто выжил в давней катастрофе. Хотя родство с Сяо Ханьчжоу было далеким, статус в клане у него был особый.

Слуга тут же сложил руки в жесте приветствия и польстил:

— У вас зоркий глаз, старший брат Сяо.

Неизвестно, какая связь была между зоркостью и этим вопросом, но сейчас никто не обращал на это внимания. Слуга знал, что в таких сплетнях лучше не тянуть, и сразу продолжил:

— Вы все здесь люди благородные, но не знаете, что в мире всегда найдутся те, кто использует доброту как рычаг для вымогательства... Тот человек, возможно, тогда помог случайно, но кто же знал, что так обернется. А увидев, что глава поднялся, он тут же присосался к нему, требуя всевозможных благ.

Ученики поморщились.

Помощь в трудную минуту, конечно, незабываема, но превращать ее в инструмент для вымогательства — это неприятно.

Однако, раз этот человек все же когда-то помог главе, они не могли сказать ничего плохого. Они лишь подумали: лучше бы глава поскорее дал ему что-то, чтобы откупиться, и покончил с этим долгом раз и навсегда, чтобы больше не было никаких связей.

Сяо Чжуй, погрузившись в раздумья, пробормотал:

— В тот день я просил аудиенции и видел, как глава передал другому человеку десяти тысячелетний нефритовый костный мозг вместе с куском теплого нефрита, говоря что-то о долге благодарности... Должно быть, это был он.

Кто-то из учеников втянул воздух сквозь зубы.

Десяти тысячелетний нефритовый костный мозг!

Даже в самых влиятельных кланах это было сокровище невероятной ценности!

Хотя все присутствующие считали себя не хуже других, клан Сяо был еще молод. Даже без учета той резни, это была лишь новая, поднимающаяся семья.

В любом случае, где бы это ни было, такой предмет, как десяти тысячелетний нефритовый костный мозг, нельзя было просто так дарить кому попало.

Неужели за ту случайную помощь человек осмелился так нагло требовать награду?!

Лица учеников менялись одно за другим, пока кто-то наконец не выкрикнул:

— Бесстыдство!

<http://bllate.org/book/20366/2037261>